

Данте Алиери

Божественная комедия

Ад

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д19

Д19 **Данте Алиери**
Божественная комедия: Ад / Данте Алиери – М.: Книга по Требованию, 2022. –
319 с.

ISBN 978-5-518-08366-0

ISBN 978-5-518-08366-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Для болѣе яснаго пониманія личности Данта, какъ поэта и мыслителя, считаетъ нелишнимъ обозначить въ немногихъ чертахъ положеніе его родины—Италіи—въ концѣ XIII вѣка. Король Манфредъ, представитель и ревностный защитникъ гибеллиновъ, лишился въ знаменитой беневентской битвѣ (26 февраля 1266 г.) царства и жизни. Гвельфы опять приободрились. Привванные обратно во Флоренцію, они не только заставили намѣстника Манфреда—графа Гвидо Новелло—удалиться изъ города, но изгнали также всю гибеллинскую партію. Съ тѣхъ поръ партія эта никогда уже не могла овладѣть господствомъ въ республикѣ, и правительство Флоренціи оставалось преимущественно гвельфскимъ.

Однако гибеллины всегда могли находить въ другихъ городахъ тосканской области сильныхъ союзниковъ, которые давали у себя убѣжище бѣглецамъ и, при случаѣ, помогали имъ бороться съ врагами, сдѣлавшимися господствующей партіей на родинѣ. Города Пиза и Сіена, во всемъ соперничавшіе съ флорентійской республикой, принадлежали исключительно гибеллинамъ; въ городахъ засѣла гибеллинская знать; жители города Арrezzo также, по большей части, служили гибеллинскому знамени. Такимъ образомъ, побѣда Карла Анжуйскаго при Беневентѣ нисколько не унимала вражды двухъ главныхъ политическихъ партій, къ которой вскорѣ не за-

недлили присоединиться и другіе мотивы ожесточеннаго, безконечнаго разлада.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Флоренціей городовъ— Пистоѣ—несогласія возникли, послѣ изгнанія гибеллиновъ въ 1285 году, между самими гвельфами, даже между членами одного и того-же рода—Канчеллиери. Несогласія эти скоро перешли въ дикій, кровавый раздоръ, охватившій все городское населеніе. Враждующіе раздѣлились на двѣ партіи— на бѣлыхъ, которые нашли убѣжище у флорентійскаго рода Черки, и черныхъ, сдружившихся съ другимъ древнимъ флорентійскимъ родомъ Донати, чрезъ посредство фамиліи Фрескобальди. Такимъ образомъ, раздоръ былъ перенесенъ изъ Пистои во Флоренцію и здѣсь загорѣлся съ новымъ, неслыханнымъ до того ожесточеніемъ. Напрасно папа Бонифацій VIII старался утишить буйную вражду партій и съ этою цѣлю послалъ во Флоренцію кардинала Маттео въ то самое время, когда Дантъ былъ избранъ однимъ изъ пріоровъ города. Уличнымъ схваткамъ не было конца, и почти всегда нападающими были черные, предводимые фамиліей Донати. Наконецъ, когда оказалось, что они хотѣли вручить господство въ республикѣ Карлу Валуэ, брату короля французскаго и въ то время представителю гвельфской партіи— тогда-то противъ нихъ стала дѣйствовать синьорія (сенатъ республики). Корсо Донати, съ другими вожаками партій, былъ изгнанъ изъ города. Нѣкоторые изъ противной партіи также были удалены, но скоро имъ дозволено было вернуться.

Между тѣмъ чернымъ удалось убѣдить папу Бонифація VIII послать во Флоренцію Карла Валуэ для возстановленія порядка. Вообще этотъ папа, взявъ на себя

роль примирителя, дѣйствовалъ, очевидно, въ интересахъ черныхъ и тѣмъ еще болѣе ожесточилъ взаимную вражду партій. По слѣдамъ Карла Валуа вернулся во Флоренцію и мстительный Корсо Донати съ своими приверженцами, ознаменовавъ свое возвращеніе грабежомъ, убійствами и пожарами—частію во Флоренціи, отчасти въ окрестной области. Бѣлые были изгнаны и между ними тому-же преслѣдованію подвергся и нашъ поэтъ, предварительно удаленный изъ города на два года. Но вслѣдъ затѣмъ отсутствующій Дантъ, вмѣстѣ съ другими членами той-же партіи, былъ приговоренъ къ смерти на кострѣ, по совершенно ложному и смѣшному обвиненію въ лихоимствѣ. И послѣ того, несмотря на всѣ усилія наше возстановить тишину и порядокъ въ замутившемся городѣ, несмотря даже на страшные въ то время громы папскаго отлученія, Флоренція продолжала быть притономъ самой необузданной анархіи, самыхъ позорныхъ партіонныхъ раздоровъ, среди которыхъ глосла всякая свѣтлая и добрая идея. Понятно отсюда, какъ долженъ былъ отнестись Дантъ—этотъ человекъ честной энергіи и свѣтлой мысли—къ окружавшему его смутному времени, понятно, почему онъ, окруженный со всѣхъ сторонъ грустной общественной и моральной нескладницей, такъ глубоко задумался надъ самыми высокими и серьезными вопросами человѣческой жизни, оставивъ намъ, плодомъ своей глубокой думы, свою „Божественную Комедію“—этотъ памятникъ горячихъ попытокъ проникнуть въглубь самой сути общесвенныхъ и нравственныхъ задачъ. Въ „Адѣ“ Дантъ изображаетъ намъ свое

грустное время со всѣми его мрачными диссонансами, со всей ужасной нравственной уродливостью, „Чистилище“ представляет процесс болѣзненной, но честной и рѣшительной работы человѣка надъ самимъ собою, тотъ путь, которымъ онъ долженъ подняться на высоту нравственнаго добра, наконецъ въ „Раѣ“ предъ читателемъ разверзается тотъ свѣтлый, радостный идеалъ нашего нравственнаго величія, который, можетъ быть, едва ли достижимъ, но стремленіе къ которому такъ понятно и сродно всякой доброй человѣческой личности, — маломальски способной стать выше тупого, колоднаго и бездарнаго индифферентизма.

Данте Алигери родился въ мартѣ 1265 года во Флоренціи и по отцу происходилъ отъ древняго значаго рода въ городѣ Феррарѣ. Свое первоначальное имя Durante онъ перемѣнилъ, ради благозвучія, на сокращенное: Dante, слѣдуя тогдашнему, довольно перѣдкому обыкновенію. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое вліяніе имѣли родители на раннее развитіе ребенка, но по словамъ Боккаччіо — довольно обстоятельнаго біографа Данта — мальчикъ уже въ самомъ южномъ возрастѣ обнаруживалъ замѣтные признаки той гениальности, которая впоследствии принесла ему такую славу. Умившись отца очень рано, онъ получалъ, однако, довольно тщательное по тому времени воспитаніе, благодаря своему наставнику Брунелло Латини, который не только посвящалъ его во всѣ тайны философіи и изящной словесности, но даже, какъ говорятъ, сдѣлалъ его замѣчательнымъ каллиграфомъ, что — говоря мимоходомъ — между великими писателями не встрѣчается силенъ и рядомъ. Усердными занятіями живописью сбли

звали Данта съ знаменитымъ Джотто и Одеризи-да-Губбио, извѣстнымъ миниатюристомъ того времени. Музыка также не была забыта въ программѣ воспитанія Данта, и наставникомъ его въ этомъ искусствѣ считаютъ извѣстнаго композиста Казеллу. Дантъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, дѣйствительно даровитыхъ и горячихъ натуръ, которыя не перестаютъ учиться всю жизнь и для которыхъ ни одна отрасль знанія не считается достойной слѣпного игнорирования: въ Болоньѣ онъ изучалъ право, въ Парижѣ — богословіе, въ Веронѣ публично защищалъ диссертацию по физическому вопросу. Изученіе древнихъ классиковъ было всегда его любимымъ занятіемъ и, по собственному его признанію, даже своимъ величественнымъ слогомъ, который дѣлалъ его предметомъ удивленія для современниковъ, онъ былъ обязанъ преимущественно основательному знакомству съ такими классическими образцами, какъ Виргилій.

Вездѣ ужь, конечно, водится, что первыя поэтическія произведенія подсказываются поэтѣмъ любовью; но въ то время, какъ нѣмцы замираютъ до какой-то неосознательной „вѣчной женственности“ (das ewig Weibliche у Гете), любовь итальянскаго поэта умѣла подняться до высокаго, но въ тоже время свѣтлаго, содержательнаго идеализированья. Знакомство Данта съ Беатриче (уменьш. Биче), дочерью Фольдо Португари, началось еще въ то время, когда ему было девять лѣтъ, тогда какъ маленькой Биче пошелъ всего восьмой годъ отъ роду. Съ тѣхъ поръ — увѣряютъ биографы Данта — въ душу его вошла любовь, — чистая, дѣтская, наивная, любовь, возрастающая съ каждымъ днемъ и непреер-

гившаяся даже съ смертью Беатриче, скончавшейся на двадцатомъ году жизни. Напротивъ, послѣ того любовь поэта, заставивъ его сосредоточиться въ своемъ чистомъ, свѣтломъ экстазѣ, вела его отъ идеализированья къ идеализированію, такъ что онъ, наконецъ, сталъ представлять себѣ подъ дорогимъ именемъ не какое нибудь смертное, человѣческое существо, но символъ самыхъ высокихъ, самыхъ восторженныхъ идей, такъ сказать олицетвореніе самаго благороднаго, до чего только можетъ додуматься человѣкъ. Беатриче сдѣлалась для него то конечной, безсмертной мудростью, то высокой наукой богопознанія (teologia). Такая глубокая, сосредоточенная психическая жизнь, это внутреннее обогащеніе человѣка или, лучше, уподобленіе этого дорогого человѣка самымъ высокимъ и свѣтлымъ мотивамъ нашего духа, разумѣется, понятны не всякому, могутъ быть понятны тѣмъ только гениальнымъ, живо-воспримчивымъ, вѣрующимъ натурамъ и притомъ — какъ мы думаемъ — исключительно южнымъ натурамъ, которыя, повеся тяжелую утрату, умѣютъ очнуться отъ малодушнаго унынія и изъ самой этой утраты умѣютъ создать себѣ новый міръ высокихъ психическихъ наслажденій. Для Уго Фосколо отъ могилы бѣжитъ даже надежда — эта послѣдняя богиня („anche la speme, ultima Dea, fugge i sepolcristi“), — душа Данта могилы не знаетъ; она срываетъ могильную плиту, вробуждаетъ дорогого мертвеца въ своей глубинѣ и окружаетъ его всѣмъ блескомъ идеальной любви и свѣтлаго нравственнаго воскресенья. Понятно отсюда, почему Дантъ, въ любви котораго къ Беатриче не было ничего строго-объективнаго, могъ укаживать въ тоже время въ городѣ Луккѣ

за какую то Джентуэкою или въ Казентино вздыхалъ по какой-то красавицѣ съ зобомъ (gozzuta у Боккаччіо) или, наконецъ, могъ жениться самымъ буржуазнымъ образомъ на Джеммѣ де-Донади, родившей ему пять сыновей. Въ этомъ отношеніи мы не считаемъ даже нужнымъ прибѣгать къ довольно избитому аргументу Маффеи, по словамъ котораго всѣ такіе факты доказываютъ только то, что величайшіе умы несвободны отъ человѣческихъ слабостей.

Усердныя занятія поэзіей и философіей не отвлекали Данта отъ обязанностей гражданина. Какъ новый Сократъ, онъ мѣнялъ свой философскій плащъ на тяжелую броню воина и сражался въ первыхъ рядахъ близъ Кампальдино, гдѣ были разбиты на голову гибеллины города Ареццо, а въ слѣдующемъ затѣмъ году (1270 г.) мы застаемъ его въ походѣ противъ низанцевъ. Сходство съ Сократомъ касалось даже близкой аналогіи между сварливой Ксантіппою и не менѣе капризной Джеммою—женою Данта—съ тою однако разницею, что великій афинянинъ, живя съ злою супругой, по собственнымъ словамъ, пріучался сносить оскорбленія другихъ людей, тогда какъ Дантъ былъ неспособенъ къ этому философскому долготерпѣнію и, разойдясь съ женою, никогда уже не хотѣлъ знать, гдѣ она и что съ ней дѣлается.

Своему отечеству Дантъ служилъ не однимъ только мечемъ. Онъ считался также искуснымъ дипломатомъ и по увѣренію Маріо Филельфо, предпринималъ отъ имени флорентійскихъ гражданъ четырнадцать посольскихъ миссій, но во время одной изъ нихъ, когда поэтъ находился въ Римѣ (27 января 1302 г.), неблагоприятное

отечество, раздраемое партіями, приговорило его, какъ мы уже знаемъ, къ уплатѣ тяжелой денежной пени и къ двухлѣтнему изгнанію. Вскорѣ состоялся противъ нашего поэта еще болѣе жестокій приговоръ, и вслѣдъ затѣмъ началась безпріютная, бродяжническая жизнь, доставившая ему случай на опытъ узвать всю горечь чужого хлѣба или научившая его — по собственнымъ словамъ поэта — «какъ тяжело всходить и спускаться по чужимъ лѣстницамъ» („quanto sia duro il calle — lo scendere e l' salir per l'altrui scale“). Изъ Рима онъ отправился сначала въ Сиену, потомъ въ Падую, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, въ Верону, гдѣ былъ радушно принятъ владѣтелемъ Каномъ-Граде делла-Скала. Однако Верона не была послѣднимъ убѣжищемъ великаго изгнанника, и долго еще несчастный поэтъ бродилъ изъ города въ городъ, былъ даже въ Парижѣ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ философіи и богословія. Многіе города Италіи, по словамъ Тирабоски, не имѣя повода оспаривать честь родины Данта, какъ это было по отношенію къ Гомеру, оспаривали другъ у друга, въ извѣстной степени, славу рожденія великой его поэмы. Флоренція утверждаетъ, что до изгнанія Дантъ уже окончилъ первыя семь кнѣсенъ «Божественной Комедіи», Маффеи, изъ желанія доставить славу своей родинѣ—Веронѣ, говоритъ, что своимъ великимъ произведеніемъ Дантъ, по болѣе части, занимался въ стѣнахъ этого города, другіе полагаютъ, что поэма была написана въ городѣ Удине, въ Равеннѣ, въ окрестностяхъ Тридента и т. д.

Послѣдній остатокъ своей скитальческой, бездомной жизни Данту удалось, наконецъ, пріютить въ Равеннѣ,

у сеньора Гвидо Новелло ди-Полента, племянника той Франчески Римни, которую онъ увѣковѣчилъ въ одномъ изъ наиболѣе трогательныхъ поэтическихъ эпизодовъ своего произведенія. Гвидо Новелло принялъ его со всевозможнымъ почетомъ и, зная щекотливость честныхъ людей, когда имъ приходится прибѣгать къ просьбамъ, самъ старался предупреждать всѣ нужды геніальнаго нищаго (Боккаччио). По порученію своего покровителя Дантъ хлопоталъ въ Венеціи о заключеніи мира, но, не добившись аудіенціи отъ венеціанскаго сената, вернулся назадъ больной и въ глубокомъ уныніи. Вскорѣ затѣмъ поэтъ скончался, и смерть эта была записана у Джованни Виллани въ слѣдующихъ словахъ: „Въ 1321 году, въ сентябрѣ, въ день св. Креста умеръ великій и достойный поэтъ Данте Алигьери, родомъ флорентіецъ, — въ городѣ Равеннѣ, въ Романѣ, возвратившись изъ венеціанскаго посольства, которое предпринималъ по порученію сеньоровъ Полента“.

Втеченіе шести вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ великаго народнаго поэта Италіи, многое измѣнилось въ нашихъ эстетическихъ и философскихъ представленіяхъ, многіе авторитеты миноваго, считавшіеся прежде непоколебимыми, низвергнуты съ своихъ пьедесталовъ. Мыслящее, скептическое человѣчество поклонилось другимъ кумирамъ, задалось другими умственными и нравственными цѣлями. Искусство перестало существовать исключительно для искусства, и человѣчество приходитъ въ восторгъ не по правиламъ, предначертаннымъ гг. Горациемъ, Буало, Кошанскимъ и tutti quanti. Но слава Данта, уваженіе къ нему мыслящаго и чувствующаго человѣка остались неизмѣнными, и это будетъ про-

должаться до тѣхъ поръ, пока вообще въ человѣчествѣ будетъ цѣниться честная, вдохновенная и въ то же время богато содержательная поэзія.

Съ такимъ именно характеромъ является Дантъ передъ судомъ исторіи и потомства. Онъ—поэтъ въ лучшемъ и наиболѣе широкомъ, вѣрномъ смыслѣ; Данте Алигьери—поэтъ мыслящій, поэтъ-философъ, заставлявшій служить свою рѣному дѣлу общественнаго возрожденія и обновленія. У него невозможно отдѣлить философію отъ поэзіи, и вотъ что сообщаетъ его поэтической мысли такую глубину и серьезность. Говорить о поэзіи Данта невозможно, не коснувшись его философскаго мировоззрѣнія. И если, дѣйствительно, человѣческая поэзія когда нибудь задавалась самыми возвышенными, чистыми и въ то же время смѣлыми побужденіями, если поэтъ когда нибудь честно и горячо относился къ высокимъ общественнымъ цѣлямъ, то такое значеніе именно принадлежитъ музѣ Данта. Заоблачность Клопштова, дѣйствительно, безцѣльна и безсодержательна. Идеализмъ Данта непонятенъ тому только, кто не понимаетъ его времени и его національности, кто вообще не знаетъ, изъ какихъ мотивовъ сложилась эта хаотическая, но въ то же время грандіозная, полная богатыхъ послѣдствій жизнь средневѣковаго европейскаго человѣчества. Клопштова, Мильтона, Тасса, Байрона можно читать, ими можно восхищаться, пожалуй; Данта нужно прежде и главнѣе всего — изучать. Смѣшны и уродливы кажутся намъ сопоставленія такого свѣтлаго и добраго имени, какъ Дантъ, съ разнаго рода поэтическими ремесленниками и чернорабочими, умѣющими воспроизвести форму, но не вдохнуть въ нее теплоту и